DOI 10.37882/2223–2982.2026.06.13

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

IMPLICITNESS AS A MEANING-MAKING MECHANISM IN CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

M. Egorova
K. Koroteeva

Summary: Contemporary media discourse is characterized by semantic compression, pragmatic orientation, and increasingly complex interpretative mechanisms. In digital communication, implicit ways of meaning transmission become particularly significant, allowing media texts not only to present information but also to shape models of perception. The article examines implicitness as a systemic mechanism of meaning-making in contemporary media discourse. The paper analyses major theoretical approaches to implicit meaning and focuses on implicatures and presuppositions as key pragmatic mechanisms of semantic organization. Special attention is paid to the functioning of implicitness in media texts and digital communication, its role in framing and persuasive influence. The study demonstrates that implicitness contributes not only to linguistic economy but also to cognitive modelling and the construction of media reality.

Keywords: implicitness, media discourse, pragmatics, implicature, presupposition, discourse analysis, media linguistics.

Егорова Мария Руслановна
Старший преподаватель, Дипломатическая академия МГИМО МИД России, (г. Москва)
mariaegorova2306@yandex.ru
Коротеева Ксения Евгеньевна
Старший преподаватель, Дипломатическая академия МГИМО МИД России. (г. Москва)
ksushasuneva@yandex.ru

Аннотация: Современный медиадискурс характеризуется высокой степенью прагматической насыщенности, смысловой компрессии и интерпретационной направленности. В условиях цифровой коммуникации особое значение приобретают имплицитные механизмы передачи содержания, позволяющие медиатексту не только сообщать информацию, но и формировать определённые способы её восприятия. Статья посвящена исследованию имплицитности как системообразующего механизма смыслообразования в современном медиадискурсе. Анализируются основные теоретические подходы к изучению скрытого содержания, рассматриваются импликатуры и пресуппозиции как ключевые прагматические механизмы организации значения. Особое внимание уделяется функционированию имплицитности в медиатекстах и цифровой коммуникации, её роли в формировании интерпретационных рамок и воздействующего потенциала медиа. Показано, что имплицитность обеспечивает не только языковую экономию, но и когнитивное моделирование событий, участвуя в конструировании медиареальности и организации общественного восприятия.

Ключевые слова: имплицитность, медиадискурс, прагматика, импликатура, пресуппозиция, медиалингвистика, дискурс-анализ.

Введение

Современное медиапространство представляет собой сложную коммуникативную систему, в которой процессы передачи информации неотделимы от её интерпретации. Медиа выступают не только каналом распространения сообщений, но и институтом формирования общественных представлений, задающим способы восприятия событий и социальных процессов. В этой связи особую актуальность приобретает исследование скрытых механизмов смыслообразования, посредством которых медиатексты реализуют свой интерпретационный и воздействующий потенциал.

Развитие прагмалингвистики и дискурс-анализа привело к пересмотру традиционного понимания значения как исключительно языкового феномена. Современная лингвистика рассматривает смысл как результат взаимодействия текста, коммуникативной ситуации и интерпретирующего сознания [1]. Значительная часть информации передаётся косвенно и не фиксируется непосредственно в языковой структуре высказывания. Подобные механизмы скрытого содержания объединяются понятием имплицитности.

Имплицитность понимается как способность высказывания включать информацию, не выраженную прямо, но реконструируемую адресатом на основе контекста, фоновых знаний и коммуникативных ожиданий [2]. Скрытое содержание играет важную роль в естественной коммуникации, обеспечивая гибкость смыслообразования и экономию языковых средств.

Особенно активно имплицитность функционирует в медиадискурсе, ориентированном одновременно на информирование и интерпретацию. Современный медиатекст редко ограничивается нейтральной передачей фактов. Напротив, он включает оценочные и когнитивные компоненты, организующие восприятие событий и формирующие определённые интерпретационные модели.

Целью исследования является выявление роли имплицитности как механизма смыслообразования в современном медиадискурсе и анализ её основных прагматических форм.

Теоретические основания исследования имплицитности

Проблема имплицитности занимает одно из центральных мест в современной прагмалингвистике, поскольку связана с фундаментальным вопросом о природе значения и механизмах его формирования. В классической семантике смысл преимущественно связывался с языковой формой и рассматривался как относительно стабильное свойство языкового знака. Однако развитие прагматического направления показало, что значительная часть содержания возникает в процессе коммуникативного взаимодействия и не закреплена непосредственно в структуре высказывания [3].

Современная теория коммуникации рассматривает значение как результат совместной деятельности адресанта и адресата. Смысл формируется не только за счёт языковых единиц, но и благодаря контексту, фоновой информации, социальным установкам и когнитивным моделям участников коммуникации [4]. Подобное понимание значения особенно важно для анализа медиатекстов, в которых скрытые механизмы передачи содержания играют системообразующую роль.

Имплицитность представляет собой сложную когнитивно-прагматическую категорию, обеспечивающую передачу информации, не выраженной непосредственно в языковой структуре. В современной лингвистике имплицитность определяется как способность текста включать дополнительные смыслы, реконструируемые адресатом на основе совокупности языковых и внеязыковых факторов [5].

Следует различать имплицитность и ряд близких понятий, которые нередко используются как синонимичные, хотя обладают различным исследовательским статусом. Прежде всего это касается соотношения имплицитности и подтекста.

Подтекст традиционно связывается с художественной коммуникацией и предполагает наличие скрытого авторского смысла, намеренно не выраженного напрямую. Имплицитность обладает более широким характером и охватывает любые формы косвенного смыслообразования, возникающие в естественной коммуникации. Следовательно, подтекст может рассматриваться как частный случай имплицитности, тогда как сама имплицитность функционирует значительно шире — в политическом, бытовом, институциональном и медиадискурсе.

Необходимо также разграничивать имплицитность и импликацию. Импликация представляет собой логическое следование одного суждения из другого, тогда как имплицитность связана с прагматическим выводом и допускает зависимость от коммуникативного контекста. Логическое следствие обладает формальной обязательностью, тогда как имплицитный смысл реконструируется адресатом и может варьироваться в зависимости от интерпретационной ситуации.

Подобное разграничение имеет особое значение для анализа медиакоммуникации. Медиатекст редко строится по законам строгой логической аргументации; гораздо чаще он организует пространство вероятных интерпретаций, направляя адресата к определённым выводам без их прямого формулирования.

Теоретическую основу изучения имплицитности составляют исследования по прагматике, теории дискурса и медиалингвистике. В работах Н.Д. Арутюновой подчёркивается многослойный характер значения, включающего фактуальную, оценочную и коммуникативную составляющие [1]. Для дискурсивного подхода принципиально важно положение о том, что значение формируется внутри конкретной коммуникативной практики и связано с социальными условиями функционирования языка.

В исследованиях Т.А. ван Дейка дискурс рассматривается как форма социального и когнитивного взаимодействия, в которой языковые структуры оказываются тесно связаны с моделями знания и идеологическими установками [4]. Данный подход особенно продуктивен применительно к медиадискурсу, поскольку медиа функционируют как институциональная система производства и распространения интерпретаций.

Современная медиалингвистика рассматривает медиадискурс как особый тип коммуникации, сочетающий информационную, интерпретационную и воздействующую функции [6]. В отличие от повседневого общения медиакоммуникация ориентирована на массовую аудиторию и характеризуется высокой степенью публичности, институциональности и прагматической целенаправленности.

Именно данные особенности определяют высокую продуктивность имплицитности в медиатекстах. Передача скрытого содержания позволяет одновременно сохранять видимость объективности и реализовывать оценочные стратегии, не прибегая к прямой категоричности.

В современной научной литературе выделяются различные формы имплицитного содержания: пресуппозиции, импликатуры, косвенные речевые акты, интертекстуальные связи и подтекст [7]. Однако именно импликатуры и пресуппозиции позволяют наиболее полно описать механизмы скрытого смыслообразования в медиадискурсе, поскольку непосредственно связаны с прагматической организацией коммуникации.

Импликатуры как механизм прагматического вывода

Центральное место в теории имплицитности занимает понятие импликатуры, разработанное П. Грайсом в рамках кооперативной модели коммуникации [3]. Согласно данной концепции, участники общения исходят из предположения о рациональности и взаимной ориентированности речевого поведения. Коммуникация строится на системе ожиданий, связанных с количеством, качеством, релевантностью и способом представления информации.

Импликатура возникает в тех случаях, когда буквальное содержание высказывания оказывается недостаточным для полного понимания коммуникативного намерения. Адресат вынужден реконструировать дополнительный смысл, опираясь на контекст и предполагаемую кооперативность коммуникации.

Импликатуры традиционно подразделяются на конвенциональные и разговорные. Конвенциональные импликатуры связаны с устойчивыми семантическими свойствами языковых единиц. Так, союз «но» не только соединяет части высказывания, но и формирует отношение противопоставления:

«Меры были приняты, но ситуация осталась сложной».

Помимо сообщения о двух фактах конструкция имплицирует ограниченную результативность действий.

Разговорные импликатуры обладают иной природой и полностью зависят от коммуникативного контекста. Именно они особенно продуктивны в медиадискурсе, поскольку позволяют реализовывать оценочную перспективу при формальном сохранении нейтральности сообщения.

Например: *«Представители ведомства предпочли не комментировать ситуацию».*

Эксплицитно сообщение фиксирует отсутствие комментария. Однако адресат выводит дополнительный смысл: неопределённость позиции, нежелание раскрывать информацию либо наличие проблемной ситуации.

Импликатуры обладают значительным воздействующим потенциалом именно потому, что воспринимаются как результат самостоятельной интерпретации адресата. Данный механизм делает их особенно востребованными в современной медиакоммуникации.

Пресуппозиции и их функционирование в медиадискурсе

Наряду с импликатурами важнейшим механизмом скрытого смыслообразования выступают пресуппозиции. В современной прагматике пресуппозиция понимается как совокупность фоновых предпосылок, необходимых для корректного понимания высказывания [8]. В отличие от импликатуры, которая формируется как выводимое содержание, пресуппозиция относится к информации, предварительно предполагаемой участниками коммуникации и принимаемой как уже известная.

Одним из классических критериев пресуппозиции является её устойчивость при отрицании. Например, высказывание:

«Правительство вновь вернулось к обсуждению реформы» предполагает наличие предыдущих обсуждений. При отрицании:

«Правительство не вернулось к обсуждению реформы» сама предпосылка сохраняется: адресат по-прежнему исходит из того, что обсуждение существовало ранее.

Подобная устойчивость отличает пресуппозиции от импликатур и делает их особенно эффективным инструментом воздействия. Если импликатура предполагает активную реконструкцию смысла, то пресуппозиция функционирует как элемент исходного знания и редко становится объектом критического анализа.

Для медиадискурса данное свойство имеет принципиальное значение. Пресуппозиции позволяют вводить оценочные компоненты таким образом, что они воспринимаются не как авторская позиция, а как естественная характеристика описываемой ситуации.

Показателен пример: *«Когда власти наконец объяснят причины происходящего?»*

Формально перед нами вопросительное высказывание. Однако оно содержит ряд скрытых предпосылок:

— существует ситуация, требующая объяснения;
— объяснения пока отсутствуют либо недостаточны;
— необходимость разъяснения воспринимается как очевидная.

Оценочный компонент оказывается интегрированным в структуру вопроса и не предъявляется как самостоятельное утверждение.

Особую роль играют пресуппозиционные триггеры — языковые средства, автоматически активирующие определённые предпосылки. К ним относятся наречия повторности (*«вновь», «снова»*), маркеры длительности (*«по-прежнему»*), глаголы изменения состояния (*«продолжать», «перестать»*), а также оценочные временные показатели (*«наконец»*).

Например: *Ситуация по-прежнему вызывает обеспокоенность».*

Наречие *«по-прежнему»* содержит скрытую информацию о длительности проблемы и предполагает отсутствие существенных изменений. Даже если данное положение не доказывается в тексте, адресат воспринимает его как уже установленный факт.

Подобные механизмы особенно характерны для новостного и аналитического медиадискурса, где скрытые предпосылки позволяют задавать интерпретационные рамки без открытой декларации позиции.

Следует отметить, что пресуппозиции выполняют не только воздействующую, но и когнитивную функцию. Коммуникация невозможна без определённого объёма разделяемых знаний; следовательно, пресуппозиции обеспечивают экономию речевых средств и делают сообщение более компактным. Однако в медиадискурсе когнитивная функция тесно переплетается с оценочной.

Например: *«Почему переговоры вновь оказались безрезультатными?»*

Подобная формулировка содержит не только сообщение о текущем состоянии переговоров, но и пресуппозицию повторяемости неудачи. В результате адресат получает определённую модель восприятия события ещё до знакомства с аргументацией текста.

Таким образом, пресуппозиции выступают не второстепенным элементом медиатекста, а важным механизмом организации знания и формирования интерпретационных рамок.

Имплицитность в медиадискурсе: интерпретация и оценка

Современный медиадискурс представляет собой институциональную форму коммуникации, внутри которой процессы информирования тесно связаны с интерпретацией. Медиа не ограничиваются передачей сведений о событиях; они участвуют в их концептуализации и социальном осмыслении [6]. Именно поэтому имплицитность становится одним из ключевых механизмов медиакоммуникации.

Особенность медиатекста заключается в сочетании информативной и воздействующей функций. Даже при декларируемой объективности медиа осуществляют отбор событий, определяют степень их значимости и задают способы интерпретации. Следовательно, сообщение неизбежно включает не только фактологический, но и оценочный компонент.

Имплицитность оказывается особенно продуктивной именно в подобных условиях, поскольку позволяет формировать интерпретационные эффекты без прямого выражения авторской позиции. Косвенная передача смысла снижает степень категоричности и делает оценку менее заметной для адресата.

Одним из наиболее распространённых механизмов является выбор номинации. Номинация в медиадискурсе редко бывает исключительно описательной; она включает скрытые оценочные компоненты и задаёт определённую перспективу восприятия.

Сопоставим следующие обозначения:
«участники акции» — «нарушители порядка»;
«меры безопасности» — «ограничения»;
«экономическая корректировка» — «кризисная политика».

Денотативная соотнесённость подобных единиц может быть сходной, однако прагматический эффект оказывается различным. Выбор языкового обозначения формирует определённый сценарий интерпретации и влияет на эмоциональное восприятие сообщения.

Данный механизм связан с понятием framing — формирования смысловых рамок интерпретации [10]. Медиа редко предлагают аудитории полностью нейтральную картину события; напротив, информация подаётся в определённой перспективе, задающей границы её понимания.

Показателен пример: *«Экономика вновь столкнулась с вызовами»*.

Подобный заголовок не содержит прямой оценки, однако наречие *«вновь»* активирует пресуппозицию повторяемости проблем, а существительное *«вызовы»* создаёт ситуацию напряжённости и потенциальной нестабильности. Следовательно, ещё до чтения текста формируется определённая модель восприятия события.

Особую роль в медиадискурсе играют заголовки, которые в условиях цифровой коммуникации нередко становятся автономными единицами восприятия. Значительная часть аудитории взаимодействует преимущественно с заголовочным комплексом, что усиливает роль скрытых механизмов смыслообразования.

Например: *«После продолжительных дискуссий решение всё же принято»*.

Частица *«всё же»* формирует импликатуру преодоления препятствий и предполагает наличие затруднений, хотя они непосредственно не описываются. В результате сообщение приобретает дополнительную прагматическую окраску.

Подобные стратегии демонстрируют, что имплицитность в медиадискурсе функционирует не только как

средство языковой экономии, но и как инструмент оценки и интерпретационного моделирования действительности.

Имплицитность и интерпретационная активность адресата

Исследование имплицитности неизбежно связано с проблемой интерпретационной активности адресата. В отличие от эксплицитного содержания скрытый смысл не обладает абсолютной фиксированностью и формируется в процессе взаимодействия текста и интерпретирующего сознания. Именно данное обстоятельство делает имплицитность не только языковым, но и когнитивным феноменом.

Современные прагматические и дискурсивные исследования рассматривают коммуникацию как совместное производство значения, предполагающее активное участие обеих сторон речевого взаимодействия [9]. Адресант не передаёт адресату готовый и полностью завершённый смысл; он создаёт систему ориентиров, позволяющих реконструировать содержание высказывания. Следовательно, понимание представляет собой результат кооперативной интерпретационной деятельности.

Подобное понимание особенно важно для медиадискурса, где адресат зачастую взаимодействует с неполной или фрагментарной информацией. Медиа редко описывают события исчерпывающе; напротив, они предлагают интерпретационные схемы, внутри которых аудитория самостоятельно достраивает значение.

Интерпретационная активность адресата определяется несколькими факторами:

— объёмом фоновых знаний;
— культурными и социальными установками;
— медиакоммуникативным опытом;
— актуальным контекстом восприятия.

Следовательно, один и тот же медиатекст способен порождать различные смысловые эффекты в зависимости от характеристик аудитории.

Рассмотрим пример: «*Эксперты оценили решение как ожидаемое*».

Для части аудитории характеристика «*ожидаемое*» может интерпретироваться как признак предсказуемости и рациональности. Для другой — как имплицитное указание на отсутствие новизны или самостоятельности политического решения. Подобная вариативность демонстрирует, что имплицитность не задаёт единственный смысл, а организует пространство потенциальных интерпретаций.

В современной теории дискурса данное положение соотносится с принципом ко-конструкции значения, согласно которому понимание возникает в результате взаимодействия текста и интерпретирующего субъекта [11]. Адресат выступает не пассивным получателем информации, а участником смыслообразования.

Особую роль в подобных процессах играют когнитивные сценарии и фреймы — устойчивые модели знания, посредством которых человек структурирует социальную реальность [4]. Интерпретация медиасообщения осуществляется не изолированно, а через соотнесение с уже существующими представлениями о политике, экономике, социальных конфликтах или институтах власти.

Например, сообщение: «*Ситуация вызывает всё больше вопросов*»

формально не содержит конкретной оценки. Однако оно активирует когнитивный сценарий неопределённости и потенциальной проблемности происходящего. Адресат самостоятельно восполняет недостающую информацию, связывая сообщение с собственными знаниями и ожиданиями.

Следовательно, имплицитность функционирует как своеобразный механизм запуска интерпретационной деятельности.

Особое значение данное обстоятельство приобретает в условиях цифровой коммуникации. Цифровой медиадискурс характеризуется высокой скоростью распространения информации, фрагментарностью и ограниченным временем восприятия. Пользователь нередко взаимодействует лишь с отдельными элементами сообщения — заголовком, кратким анонсом или визуальным фрагментом. В результате возрастает зависимость понимания от индивидуальных интерпретационных ресурсов.

Показательным примером являются заголовки, построенные на принципе смысловой неопределённости:

«Решение вызвало неоднозначную реакцию».
«Эксперты предупреждают о последствиях».
«Событие стало предметом обсуждения».

Подобные формулировки намеренно оставляют пространство для интерпретации и стимулируют когнитивную активность аудитории. Их коммуникативная эффективность объясняется не полнотой информации, а способностью инициировать процесс самостоятельного смыслообразования.

Следовательно, воздействующий потенциал медиадискурса связан не только с содержанием сообщения, но и с особенностями его интерпретации. Имплицитность функционирует как механизм, активизирующий когнитивную деятельность адресата и направляющий её в определённое русло.

Вместе с тем интерпретационная вариативность обладает двойственным характером. С одной стороны, она обеспечивает гибкость коммуникации и расширяет выразительные возможности медиатекста. С другой — создаёт предпосылки для конкуренции смыслов и конфликтности интерпретаций.

Особенно заметно данное противоречие в цифровой медиасреде, где различные аудитории взаимодействуют с одними и теми же сообщениями, располагая неодинаковыми культурными и идеологическими ресурсами. В результате имплицитные структуры способны становиться источником дискурсивной поляризации.

Показательна роль иронии и интертекстуальности в цифровом медиадискурсе. Ироническое сообщение предполагает наличие общего культурного кода между участниками коммуникации. При отсутствии подобного кода скрытый смысл может интерпретироваться неполно либо ошибочно.

Таким образом, имплицитность предполагает существование своеобразного интерпретационного контракта между адресантом и адресатом, основанного на разделяемых знаниях и коммуникативных ожиданиях.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что интерпретационная активность адресата является не внешним условием функционирования имплицитности, а её фундаментальным компонентом. Именно способность организовывать пространство множественных смыслов обеспечивает имплицитности высокую коммуникативную эффективность и устойчивость в современном медиадискурсе.

Цифровой медиадискурс и конструирование медиареальности

Трансформация медиасреды, обусловленная развитием цифровых технологий, привела к существенным изменениям в способах организации коммуникации и функционирования языка. Цифровой медиадискурс характеризуется высокой скоростью распространения информации, поликодовостью, интерактивностью и фрагментарностью, что непосредственно влияет на механизмы смыслообразования.

В отличие от традиционной модели медиакоммуникации цифровая среда развивается в условиях непрерывного информационного потока и конкуренции за внимание аудитории. В подобных обстоятельствах медиатекст стремится к максимальной смысловой компрессии, а значительная часть содержания передаётся имплицитно. Пользователь взаимодействует преимущественно с краткими сообщениями, заголовками, визуальными элементами и анонсами, что повышает роль скрытых смыслов.

Следовательно, имплицитность в цифровом медиадискурсе выступает не дополнительным элементом коммуникации, а её структурным принципом.

Существенной характеристикой цифровой медиасреды является её интерактивность. В отличие от традиционного вещательного формата современные медиа предполагают активное участие аудитории в обсуждении, распространении и интерпретации сообщений. Комментарии, репосты, реакции и дискуссии формируют вторичный дискурс, внутри которого имплицитные смыслы получают дальнейшее развитие.

Принципиально важно, что пользователи не только интерпретируют исходные тексты, но и воспроизводят содержащиеся в них имплицитные установки, усиливая либо трансформируя их. Следовательно, скрытое содержание становится результатом не исключительно авторской стратегии, а коллективного коммуникативного конструирования.

Особую роль в цифровом медиадискурсе играет алгоритмическая организация информационного пространства. Современные платформы функционируют на основе механизмов отбора и ранжирования контента, ориентированных на вовлечённость аудитории. Наибольшую видимость получают сообщения, обладающие высокой эмоциональной и интерпретационной насыщенностью.

Данная логика косвенно стимулирует использование имплицитных стратегий, поскольку именно они позволяют создавать коммуникативную напряжённость и поддерживать интерес аудитории.

Показательны следующие формулировки:
«Эксперты предупреждают о последствиях».
«Ситуация вызывает всё больше вопросов».
«Решение стало предметом споров».

Подобные конструкции не содержат прямой конкретизации, однако создают пространство для вывода скрытых смыслов. Адресат оказывается вовлечён в процесс достраивания значения, что усиливает коммуникативный эффект сообщения.

В цифровой среде существенно возрастает значение интертекстуальности, меметической коммуникации и иронии, где имплицитность выступает базовым принципом организации значения. Значительная часть сообщений строится на культурных кодах и предполагает способность аудитории распознавать скрытые отсылки и прецедентные смыслы.

Таким образом, цифровой медиадискурс демонстрирует качественное усиление роли имплицитности и под-

тверждает её статус как одного из ключевых механизмов современной коммуникации.

Наряду с этим имплицитность следует рассматривать как фактор формирования медиареальности. Современные медиа не просто отражают события, но и участвуют в их символическом конструировании. Под медиареальностью понимается система интерпретационных моделей, посредством которых события получают общественную значимость и включаются в коллективное знание [4].

Подобное понимание опирается на дискурсивный подход, рассматривающий язык как форму социальной практики. Коммуникация не воспроизводит действительность в неизменном виде, а участвует в её концептуализации и оценочном осмыслении [10]. Медиа выполняют роль институционального посредника между событием и его общественным восприятием.

Особое значение в данных процессах приобретают именно имплицитные механизмы. В отличие от прямого утверждения, которое может становиться объектом проверки и полемики, скрытый смысл функционирует менее заметно и потому нередко оказывается более устойчивым.

Рассмотрим пример:*«После громких обещаний ситуация остаётся неизменной».*

На буквальном уровне сообщение фиксирует отсутствие изменений. Однако определение *«громких»* имплицирует критическую оценку предшествующих заявлений как чрезмерных или недостаточно обоснованных. Следовательно, медиатекст формирует определённую модель восприятия политического действия без открытой декларации негативной позиции.

Сходный эффект наблюдается при использовании номинативных стратегий:

«меры контроля» — «ограничительные меры»;
«активисты» — «участники беспорядков».

Подобные различия демонстрируют, что медиадискурс не только описывает действительность, но и организует способы её понимания.

Следовательно, имплицитность участвует в формировании медиареальности посредством конструирования интерпретационных рамок и когнитивных сценариев.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ позволяет рассматривать имплицитность как системообразующий механизм современного медиадискурса, обеспечивающий взаимодействие языковой формы, коммуникативных целей и когнитивной деятельности адресата.

Результаты исследования подтверждают, что имплицитность не является периферийным свойством коммуникации. Напротив, скрытые механизмы передачи содержания выступают фундаментальным условием функционирования медиатекстов. Значительная часть информации передаётся посредством прагматических структур, прежде всего импликатур и пресуппозиций.

Исследование импликатур показало, что они обеспечивают гибкость интерпретации и позволяют медиатексту реализовывать воздействующую функцию при сохранении формальной нейтральности. Пресуппозиции, в свою очередь, формируют систему фоновых предпосылок и создают когнитивные рамки восприятия.

Данный анализ также продемонстрировал зависимость имплицитности от интерпретационной активности адресата. Скрытый смысл не существует как завершённый объект, а возникает в процессе взаимодействия текста и интерпретирующего сознания.

Особое значение данное положение приобретает применительно к цифровой коммуникации. Цифровой медиадискурс усиливает роль смысловой компрессии, эмоциональной маркированности и когнитивной вовлечённости аудитории. В результате имплицитность приобретает статус базового механизма медиакоммуникации.

Научная значимость исследования заключается в интеграции прагматического и медиалингвистического подходов к анализу скрытого содержания. Рассмотрение имплицитности одновременно как языкового, когнитивного и дискурсивного феномена позволяет расширить представления о механизмах функционирования медиатекстов.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется анализ имплицитности в алгоритмизованной цифровой среде, где процессы смыслообразования всё теснее взаимодействуют с технологическими механизмами распространения информации.

Заключение

Проблема имплицитности занимает одно из центральных мест в современной прагмалингвистике и медиалингвистике, поскольку связана с исследованием механизмов формирования значения в естественной коммуникации.

Проведённое исследование позволило рассмотреть имплицитность как сложную когнитивно-прагматиче-

скую категорию, обеспечивающую передачу содержания, не выраженного непосредственно в языковой структуре высказывания.

Анализ теоретических подходов показал, что современное понимание имплицитности формируется на пересечении прагматики, дискурс-анализа и медиалингвистики. Значение рассматривается не как фиксированное свойство языковой формы, а как результат коммуникативного взаимодействия и интерпретационной деятельности адресата.

Исследование импликатур и пресуппозиций позволило выявить два ключевых механизма скрытого смыслообразования. Импликатуры обеспечивают выводимое содержание и гибкость интерпретации, тогда как пресуппозиции организуют систему фоновых знаний и задают рамки понимания.

Анализ медиадискурса подтвердил, что имплицитность выполняет не только функцию языковой экономии, но и важную воздействующую роль. Посредством скрытых смыслов медиатексты формируют оценочные модели, организуют восприятие событий и участвуют в конструировании медиареальности.

Особенно заметной данная тенденция становится в условиях цифровой коммуникации, характеризующейся высокой скоростью информационного обмена и интерактивностью. Цифровая медиасреда усиливает значение имплицитных стратегий и повышает роль интерпретационной активности аудитории.

Следовательно, имплицитность должна рассматриваться как фундаментальный механизм современного медиадискурса и перспективное направление дальнейших лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
3. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 264 с.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
7. Левинсон С. Прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — 383 с.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. — 656 с.
9. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 192 с.
10. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. — London; New York: Routledge, 2015. — 278 p.
11. Jørgensen M.W., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. — London: Sage Publications, 2002. — 229 p.

© Егорова Мария Руслановна (mariaegorova2306@yandex.ru), Коротеева Ксения Евгеньевна (ksushasuneva@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»